

«Россия в межкультурном пространстве» — такова была тема симпозиума, проведенного в апреле 1994 года Институтом социологии РАН и редакцией «Социологического журнала». С основным докладом на симпозиуме выступил доктор философских наук Б. З. Докторов. В обсуждении поставленной им проблемы приняли участие кандидат исторических наук Д. В. Гудименко (Институт мировой экономики и международных отношений РАН), доктор исторических наук М. А. Чешков (Институт мировой экономики и международных отношений РАН), кандидат философских наук В. В. Меликов (Институт философии РАН), кандидат технических наук А. А. Ослон (Фонд «Общественное мнение»). Предлагаем вниманию читателей доклад, а также фрагменты его обсуждения.

Б. З. Докторов

РОССИЯ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Докторов Борис Зусманович — доктор философских наук, заведующий сектором Санкт-Петербургского филиала Института социологии РАН.

За последнее время значительно пополнилась литература, посвященная анализу российского менталитета, социокультурной ткани российского общества. К нам вернулись классические труды ученых конца XVIII — начала XIX веков; мы получили доступ к интересным и весьма глубоким исследованиям, выполненным в послереволюционный период отечественными историками, философами и социологами, жившими в эмиграции; наконец, ряд работ написан специалистами в годы перестройки и постперестройки [1, 2, 3].

При всем различии методологических и идеологических позиций, целей и внутренних мотивов научных поисков, многообразий выводов, к которым приходят авторы, можно назвать два важнейших обстоятельства, объединяющих большинство исследований. Во-первых, они в целом недостаточно эмпиричны, не опираются на хорошо организованную совокупность научных измерений и, во-вторых, недостаточно компаративны. Зачастую специфичность российского менталитета и характера выводится только из анализа российской истории и культуры.

Теоретические построения и эмпирический материал, речь о которых пойдет ниже, являются частью международного проекта «Ожидая изменения в Европе», более десяти лет разрабатываемого Международным исследовательским институтом социальных изменений (RISC) [4, 5]. Итогом логических и математических изысканий стало двухмерное социокультурное пространство, в котором можно разместить и описать различные социокультурные общности: социальные и демографические группы, страты, население отдельной страны и совокупности стран. Вывод о специфичности социокультурной ориентации той или иной общности делается в зависимости от того, каким образом она размещается на социокультурной плоскости (карте), какие участки оказываются плотно «заселенными», а какие — редко. Сопоставление общего и особенного в расположении на социокультурной карте позволяет судить о степени близости ценностных структур сознания представителей различных общностей (скажем, население разных стран).

Семантическое пространство задается двумя ортогональными осями, полученными в результате факторного анализа тридцати социокультурных индексов, в свою очередь базирующихся более чем на сотне первичных переменных. Вертикальная ось имеет два полюса: север — «Открытость переменам» и юг — «Сопrotивление переменам», что в известной мере воспроизводит строение пирамиды ценностей А. Маслоу. Как правило, для консервативных «южан», которые прежде всего ориентируются на удовлетворение базовых жизненных потребностей, высокую ценность представляют экономическая безопасность, общественный порядок, стабильность. Что касается открытых переменам «северян», то для них важнее всего ценности самопознания и саморазвития.

Интерпретация горизонтальной оси более многозначна. Дело не в трудности выбора адекватного термина, а в изменчивости природы тех социальных процессов, которые отражаются (или моделируются) второй координатой. Ее можно понимать как континуум, к западному полюсу

которого тяготеют индивиды, группы, страты и т. д., придающие больший вес внешним социальным нормам и предписаниям, а к восточному — отдающие предпочтение внутренним сигналам, мотивам, императивам. Эти глубинные установки проявляются в различных формах. Так, общности, концентрирующиеся на левой стороне континуума, стремятся войти в более широкую социальную структуру, активно включаются в коммуникационные сети, максимально учитывают требования среды. Они легко усваивают общественные мифы и догматичны в следовании им, склонны к самоограничению, в том числе в потреблении. Для тех же, кто расположен вблизи правого полюса, напротив, характерно максимальное самопроявление во всех сферах жизнедеятельности, предпочтение индивидуальным или узкогрупповым интересам, ориентация на собственные нужды. Они обычно очень прагматичны, стремятся к удовольствиям, развлечениям, активны в потреблении. Если первые придерживаются принципов «высокой» этики, осознают себя частицей «мы», испытывают потребность быть в коллективе, то вторые — гедонисты с высокоразвитым чувством «я»; их можно назвать «индивидуалистами». (К сожалению, в русском языке этот термин несет отрицательную окраску.)

С помощью специальной математической процедуры в социокультурной плоскости выделяется десять типологических групп [6], каждая из которых имеет фиксированное положение в системе координат (рис. 1) и обладает определенными отличительными чертами.

I. «Уравновешенные и самоорганизованные». Сюда входят лица, наиболее приспособленные к социальным изменениям. Они умеют сохранять свои убеждения и оставаться открытыми к новым идеям, не боясь потерять главные ориентиры своей жизни. Благодаря высокому уровню образования и понимания законов функционирования общества и экономики, члены этой группы нередко бывают инициаторами социальных преобразований. Они способны адаптироваться к внешним обстоятельствам и действовать без оглядки на авторитеты.

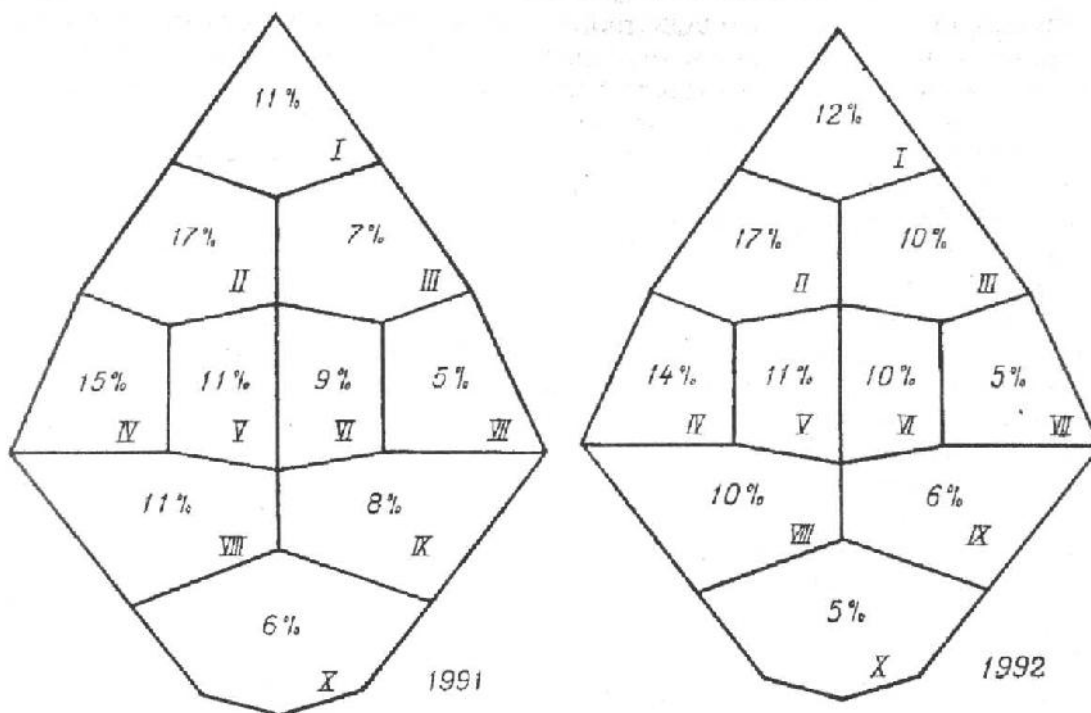

Рис. 1. Социокультурные диаграммы населения России

II. «Энергичные и следующие своему пониманию долга». У хорошо приспособленных к социальным изменениям представителей этой группы отчетливо выражена потребность развить и выразить себя, особенно в профессиональной сфере. Они социально интегрированы, глубоко чувствуют свою социальную вовлеченность в общество в целом и в ближайшее окружение (семья, друзья, коллеги, соседи), объединены и духовно, и практическими делами; способны освоить опыт прошлого, чтобы быть готовыми к встрече с будущим; уважают порядок, но не требуют иерархического подчинения.

III. «Решительные гедонисты». Как правило, это молодые, хорошо образованные, благополучные люди, сфокусированные на острых ощущениях, риске. Для них важно достичь равновесия в духовной, физической и рациональной сферах, и вместе с тем им нужна интенсивная каждодневная жизнь. Источниками удовольствия служат эмоции, чувственность, сексуальные

переживания. В материальном отношении представители данного типа обычно обеспечены выше среднего.

IV. «Коллективисты, сторонники сложившихся норм». Достаточно консервативная группа с сильными социальными корнями и убеждениями. Консерватизм делает их открытыми реформам, но не радикальным переменам. Они глубоко вовлечены в общество, которое ощущают как совокупность людей с едиными целями, намерениями, идеями, и не одобряют поведения, нарушающего бытующие нормы. Материальные ценности, потребительство и гедонизм не играют для них сколь-либо существенной роли. Внешний мир постигается посредством общения со своим непосредственным окружением. Высоко ценится чувство долга, самопожертвование, признание коллективных интересов.

V. «Промежуточный тип». Все характеристики входящих сюда лиц имеют средние значения.

VI. «Молодые обыватели». Это прежде всего люди до 35 лет со средним образованием. Они работают, чтобы улучшить свое материальное положение, стремясь при этом к высокому уровню потребления и комфорта. Каждый из них хочет быть самим собой, делать все ради собственного удовольствия. Семья, друзья, коллеги играют в их жизни определенную, но не главенствующую роль. Основной контингент — молодые бизнесмены, рабочие, студенты, холостые или женатые, но не имеющие детей.

VII. «Самоориентированные и импульсивные искатели». Сюда входят молодые люди, которые менее всего склонны рассматривать себя в качестве членов какого-либо значимого социального образования.

VIII. «Рациональные традиционалисты». Одно из главных ожиданий — наличие в обществе четких структур и правил, позволяющих контролировать жизненный процесс. Не отличаясь особой социальной активностью, представители данной группы участвуют тем не менее в происходящих изменениях. Ведущей мотивацией их усилий является забота о создании экономически безопасной среды. Они дрейфуют по периферии общественного бытия, не испытывая потребности принадлежать к каким-то крупным социальным образованиям, их сознанием и поведением легко манипулировать, тем более, что они, как правило, способны воспринимать только те события и явления, которые находятся в поле их непосредственного наблюдения.

IX. «Замкнутые на собственные проблемы». Эта группа является в определенной мере промежуточной. Люди этого типа пытаются найти выход из трудностей посредством совмещения индивидуалистических и социальных ценностей.

X. «Одинокие и бедствующие». Поведение этой группы в целом детерминировано ее экономическим положением. В нее входят те, кто полностью сосредоточен на материальных проблемах, чьи интересы далеки от общественной жизни, и потому они ощущают бесцельность своего существования и пассивны. Уровень гедонизма и потребления здесь крайне низок. Семья способна поддерживать таких людей экономически, но не эмоционально.

Эмпирической базой дальнейшего типологического анализа являются результаты репрезентативных для каждой страны опросов населения; объемы выборок 1500—2500 респондентов. Опросы в России проводились ВЦИОМ осенью 1991-го и весной 1992 года. Полученные данные представляют характеристики сознания жителей европейской части страны. Математическая обработка осуществлялась во французском отделении RISC.

Социокультурные диаграммы (рис. 1) наглядно демонстрируют специфику ценностных ориентации россиян в сравнении с населением Западной Европы. Обозначенные здесь десять групп равнонаполнены для общеевропейской модели, т. е. включают в себя по 10% населения. Поэтому, если наполненность той или иной «клетки» российской диаграммы выше (ниже) 10%, то это означает, что в структуре населения России чаще (реже), чем в среднем для Европы, представлены соответствующие типы сознания.

Легко заметить, во-первых, что результаты обоих исследований, проведенных в России, мало различаются (одной из причин наблюдаемых различий является неполное совпадение измерительных шкал) и, таким образом, можно говорить о достаточно надежном измерении. Во-вторых, некоторые типологические группы сознания, в сравнении с упомянутой «нормой» для средневропейской ситуации, «сверхпредставлены» (II и IV), а некоторые «недопредставлены» (VII, IX, X). Возвращаясь к описанию типологических групп, можно утверждать, что россиянам присущи, с одной стороны, высокий уровень коллективизма, ориентированность на выполнение общественных норм, требований, предписаний, а с другой, для них в меньшей степени, чем для европейцев, характерно стремление вырваться из своей среды, противопоставить «я» «мы»,

выработать личностную (или узкогрупповую) модель социального бытия. В частности, россиянам не свойственна активная избирательность в сфере потребления.

Таблица 1

Распределение населения России среди 10 социокультурных типологических групп (%)							
Группа	1991 (N=1944)	1992 (N=2073)	Модельное распределение	Группа	1991 (N=1944)	1992 (N=2073)	Модельное распределение
I	11	11	10	VI	9	10	10
II	17	16	10	VII	5	5	10
III	7	10	10	VIII	11	11	10
IV	15	13	10	IX	8	7	10
V	11	11	10	X	6	6	10

Использование статистического критерия X^2 показывает, что распределение населения России по десяти социокультурным группам (табл. 1) статистически отлично от среднеевропейского (модельного) распределения. Но если осуществить подобные вычисления для других стран Западной и Восточной Европы, то будет получен аналогичный (математически) результат, и в этом смысле правомерно говорить об уникальности сознания населения каждой страны. Следуя такой логике, можно вообще доказать отсутствие «европейской» социокультурной ткани и развития единой техногенной цивилизации.

Прежде всего отметим, что на социокультурной карте страны Западной Европы занимают достаточно широкую область (рис. 2). Другими словами, в отношении каждой справедлив вопрос: в какой мере она вписывается в контур техногенной цивилизации, справилась ли она с основными требованиями эпохи. Мы принимаем без доказательства утверждение о вхождении всех представленных здесь государств в современный цивилизационный процесс и, следовательно, допускаем существование многих форм достижения баланса между универсальными социокультурными вызовами, которые с особой силой стали проявлять себя в Европе с конца 50-х годов, и внутренними потенциями и механизмами развития сознания населения каждой страны. Социальная адаптация протекает по-разному и приобретает разную форму. Без подобных допущений невозможно установить степень соответствия или несоответствия российской этнокультуры европейским стандартам, поскольку исчезают эталоны сравнения.

Методология и технология нашего сравнительного межкультурного анализа включает в себя допущение о том, что социокультурная европейская среда в первую очередь детерминирована процессами, протекающими в главных европейских государствах: Англии, Западной Германии¹, Испании, Италии и Франции. Это самые крупные по территории и численности населения страны с развитой промышленностью, составляющие основу европейского рынка и определяющие магистральное движение мировой культуры. Уже беглый взгляд на их расположение в социокультурной системе координат позволяет увидеть, сколь различны ценностные ориентиры живущих здесь народов и широк диапазон адаптивности к действующим в течение всей истории цивилизационным вызовам.

Более тонкий анализ можно провести, объединив десять выделенных и описанных социокультурных групп в новые укрупненные типологические структуры. Основой для подобного объединения будет служить «геометрия», а значит, и качественное своеобразие различных зон социокультурного пространства. Целесообразно конструирование пяти новых типов, частично совпадающих с исходным «набором»: тип 1 — полностью совпадает с группой I; тип 2 — интегрирует в себе группы II, IV, VIII; тип 3 — объединяет группы V и VI; тип 4 — включает в себя группы III, VII, IX; тип 5 — полностью совпадает с группой X.

Тип 1, расположенный на «северной» оконечности вертикальной координаты, характеризуется наибольшей открытостью к социальным изменениям, наилучшей способностью улавливать новое, адаптироваться к новизне и самому выступать в качестве лидера социальных преобразований. В силу этого назовем его представителей «социальными новаторами».

¹ Исследования проводились до создания единого государства.

Сопrotивление переменам

Рис. 2. Россия и страны Западной Европы на социокультурной карте

Таблица 2

Распределение укрупненных социокультурных типов населения России и стран Европы (%)

Страны	«Социальные новаторы»	«Коллективисты»	«Переходный»	«Сфокусированные на себя»	«Ориентированные на социальную безопасность»
Россия (1991)	11	43	20	20	6
Россия (1992)	12	41	21	21	5
Страны Западной Европы (1990)					
Англия	6	18	21	45	10
Германия	5	31	21	26	17
Испания	13	29	19	28	11
Италия	17	43	16	19	5
Франция	13	30	21	30	6
Страны Восточной Европы (1992)					
Венгрия	17	40	17	19	7
Польша	11	34	20	21	14
Чехословакия	13	37	18	23	9
Страны, входившие в бывший СССР (1992)					
Латвия	13	42	20	21	4
Литва	6	35	23	26	10
Эстония	13	34	20	28	5

Украина	13	46	17	15	9
Общеввропейское (модельное) распределение типов	10	30	20	30	10

Тип 2, ограничивающий слева всю совокупность социокультурных образований, отличается высокой приверженностью общим и групповым нормам, традициям, предписаниям. Входящие в этот тип представители групп II и VIII во многом различны, но их роднит развитое чувство сопричастности к общим социальным требованиям. Обозначим этот тип «коллективистским».

Тип 3 объединяет две центральные в социогеометрическом отношении группы (V и VI). Назовем его «переходным», ведь именно через центр проходят все важнейшие социокультурные изменения.

Тип 4 — тоже по-своему далеко не однородный, но всех его представителей отличает сконцентрированность на себе: на своем прошлом или будущем. Они либо активно перенимают новые социальные стереотипы поведения, либо вынуждены в силу обстоятельств замкнуться, уйти в себя, в свою семью, в свой мир. В одних случаях это могут быть группы элитного потребления, в других — одинокие, слабые, беспомощные старики. У этих, казалось бы, полярных социальных страт общим признаком является замкнутость на собственные проблемы. Соответственно назовем данный тип «сфокусированный на себя».

Наконец, тип 5; его представители прежде всего под давлением экономических обстоятельств оказываются оторванными от общественных изменений, они консервативны, потому что вся их жизнь — это борьба за выживание. Учитывая сказанное, определим этот тип как «ориентированный на социальную безопасность».

В таблице 2 даны распределения выделенных социокультурных типов для России и упомянутых выше стран Западной Европы, сопоставляя которые между собой и с эталонным (или модельным), легко прийти к следующим выводам.

Первое. Социокультурное расслоение населения всех стран достаточно специфично, т. е. отличается от ценностной организации сознания соседей по континенту. Второе. Ни одна из стран не обнаруживает какого-либо «вопиющего» отклонения от общеевропейского (модельного) распределения, и потому про каждую можно сказать, что она входит в европейское социокультурное сообщество. Третье. У России также есть свое социокультурное «лицо», но, обладая чертами уникальности, она все же не выбивается из общего фона своей супернеобычностью. Да, высока доля «коллективистов», но не выше, чем в структуре населения Италии. Да, относительно мало «сфокусированных на себя», но в Италии их столько же, а в Греции и Испании — не многим больше. Да, низка доля тех, кто ориентируется на социальную безопасность, но среди французов и итальянцев наблюдается та же картина.

Корреляционная матрица (табл. 3) может быть рассмотрена в качестве аналитической интерпретации конфигурации «облака» стран, приведенного на рис. 2. В данном случае коэффициент корреляции между двумя странами является своеобразной мерой их взаимной расположенности, свидетельством «близости» ценностных характеристик сознания населения. В рассматриваемом социокультурном пространстве (оно, напомним, задано исходным набором более 100 вопросов и математической техникой сжатия информации) обнаруживается заметное сходство (положительные коэффициенты корреляции) социокультурных ориентиров трех романских народов, исповедующих католицизм: французов, испанцев, итальянцев. Качественно иными (отрицательные коэффициенты корреляции) являются типы сознания англичан и немцев; их ценностные структуры отличны как от романских, так и друг от друга. Немецкая система ценностей, возможно, представляется в данном случае как комбинация видения мира немцами-католиками и немцами-лютеранами. Английский протестантизм (кальвинизм) сдвигает всю систему социальных ориентации в сторону индивидуализма и осторожного отношения к социальным изменениям. Российский менталитет во многом не схож с английским, качественно отличен от немецкого и по целому ряду характеристик близок к романскому.

Мы далеки от того, чтобы отождествлять выявленную коллективность россиян с русской «соборностью», «общинностью», стремлением быть «с миром». Вместе с тем, по-видимому, речь может идти об определенной европейской транскрипции русского (российского) видения отношения человека к человеку, к природе и Богу, о проекции этого уникального евразийского ценностного образования на западноевропейскую социокультурную плоскость.

Анализируя результаты теоретико-эмпирического социологического исследования,

интегрирующие итоги многих логических, инструментальных и математических операций, каждый раз испытываешь потребность в их внешней валидации. В одних случаях это достигается сопоставлением полученной информации с фактами, добытыми социологами с помощью иных методических приемов, в других — через сравнение «жесткой» социологической фактуры с «мягкими» выводами социальной антропологии, с трудноформализованными наблюдениями историков и культурологов. Безусловно, итоги позитивистского и феноменологического прочтения одних и тех же социальных феноменов не могут быть тождественными, но даже отдельное их совпадение очень ценно для познания. География расположения стран на социокультурной карте Европы (рис. 2) в ряде случаев оказывается созвучной выводам политико-философского и историко-культурного рассмотрения символических представлений наций. Канетти характеризует особенности самопознания некоторых европейских народов, увязывая его с принятыми нациями массовыми символами [7].

Пресловутый «английский индивидуализм», отмечаемый им в качестве доминирующей черты англичан (крайняя правая позиция на социокультурной карте), объясняется разрозненностью индивидов, окруженных морем и видящих себя капитанами. Подобная персонификация порождает и соответствующий тип домашней жизни, где обычаи каждого неприкосновенны.

В проекциях на горизонтальную социокультурную ось ближе остальных к англичанам находятся голландцы. Канетти считает эти народы «чуть ли не братьями», указывая на близость их происхождения, языков и религиозного развития. Обе нации — мореплаватели. Но если для англичан море — защита, крепость, то для голландцев — фактор и символ непокоренной стихии, постоянной угрозы. Поэтому они, в отличие от англичан, испытывают высокую потребность в безопасности.

Расположение Франции на оси «открытость переменам» (рис. 2) можно квалифицировать как своеобразное математико-инструментальное овеществление массового символа французов — революции, которая в своем назначении и в системе ожиданий являет собой противопоставление прошлому и настоящему, установку на изменение.

Характеризуя массовое сознание итальянцев, Канетти подчеркивает, что оно пронизано общими для всех «воспоминаниями» о долатинизированном, допапском Великом Риме. Итальянская земля заселена великими призраками прошлого, потребность в общении с которыми остро ощущается всеми новыми поколениями. Не отражает ли этот национальный символ высокое значение показателя «коллективности» для современных итальянцев?

Канетти не анализирует символы сознания русских, но, рискнув продолжить его подход к познанию духа народа, можно предположить, что причина российского коллективизма кроется в трансформациях нереализованной мечты о Третьем Риме и иных мессианских (в том числе большевистских) устремлениях.

На рис. 3 Россия представлена вместе с рядом государств Центральной и Восточной Европы и ближнего зарубежья — республик бывшего СССР. Как видим, «облако» сдвинуто в левую сторону социокультурного пространства, и за исключением Литвы и Польши все страны расположены в северной части плоскости.

Имеет смысл отдельно рассмотреть соотношение социокультурных типологий населения России и бывших союзников по социалистическому лагерю: Венгрии, Польши, Чехословакии (опрос проходил до разделения страны). Хотя не вызывает сомнений ни факт освоения ими требований современной техногенной цивилизации, ни европейский характер их культуры и ценностных структур сознания населения, различие сравниваемых социокультурных профилей весьма ощутимо. Это не случайно; несмотря на более чем тысячелетнее географическое соседство, Венгрия, Польша и Чехословакия по-разному формировали свою социокультурную среду и свой национальный характер. На момент опроса венгры (табл. 2) отличались очень высоким уровнем социального новаторства и низкой обеспокоенностью по поводу личной безопасности; поляков, напротив, крайне тревожила экономическая ситуация в стране и исчезновение принципиальных социальных ориентиров [8]. Фиксируемое сходство распределения социокультурных типов населения Чехословакии с общеевропейской (модельной) структурой обусловлено двумя факторами. Во-первых, речь шла о сознании во многом близких, но разных этносов — чехов (65% населения бывшей Чехословакии) и словаков (30%). «Механическое» сложение двух разных культур по-своему скрывает эту специфику и порождает наблюдаемую (поверхностную) усредненность. Во-вторых, действительно, социокультурные расслоения (пропорции десяти описанных выше социокультурных групп) чехов и словаков взаимно близки и не очень сильно отличаются от общеевропейской стратификации.

Рис. 3. Россия и страны Восточной и Центральной Европы на социокультурной карте

Попробуем теперь выделить социоисторические обстоятельства, которые объяснили бы достаточную компактность расположения России и трех других стран на социокультурной плоскости. Прежде всего «на поверхности» лежит тот очевидный факт, что и экономика, и культура, и идеология государств социалистического содружества создавались по единому сценарию и координировались из единого центра. Можно было бы попытаться объяснить геометрию точек (рис. 2) действием «славянского фактора», но многого на этом пути, думается, не достичь. Так, и неславянская Венгрия, и славянская Польша равноудалены на социокультурной карте от России. Далее. Чехи, словаки и поляки относятся к западной ветви славян, имеют близкие языки и множество сходных элементов в традиционной культуре, однако «социокультурное расстояние» между Россией и Чехословакией заметно меньше, чем между Россией и Польшей. С другой стороны, учитывая, что значительная часть Польши с конца XVIII века входила в состав Российской империи, естественно было бы допустить большую общность российской (русской) и польской ментальности.

Выше отмечалось, что распределение социокультурных типов населения России статистически ближе к системе ценностных представлений католиков (испанцев, итальянцев и французов), нежели протестантов (англичан и немцев). Если это так, то чехи, словаки, поляки и венгры — в большинстве своем католики — должны «располагаться» в социокультурном пространстве не очень далеко от русских.

Наконец, может быть еще одна интерпретация близости (но не тождественности) рассматриваемых стран. Высокая степень коллективизма — во многом схожее по своей природе следствие генетически различных социальных процессов. Для русских, скажем, это поиск «соборности» или другой замены коммунистической идеи, для венгров, чехов и словаков — желание создать свою государственность. Для поляков, по мнению специалистов, сильными цементирующими коллективообразующими факторами выступают католицизм и идея польской государственности.

Итак, российская система ценностей и фенотипически, и генотипически близка к структуре ценностей ближайших западных соседей. И не приходится сомневаться, что российская

ментальность не противостоит императивам современной техногенной цивилизации.

При сравнении социокультурного образа России с социокультурной типологией населения стран Балтии и Украины (табл. 2, рис. 3) приходится принимать во внимание национальный состав этих государств.

Относительно мононациональна только Литва (около 80% населения — литовцы, 9% — русские, 7% — поляки). В Эстонии проживает 65% эстонцев и 28% русских; в Латвии — 54% латышей, 33% русских и около 8% — украинцев и белорусов.

По-своему уникальна ситуация на Украине. Здесь 73% украинцев и 21% русских, но и в биологическом, и в историческом, и в социокультурном отношениях это два очень близких народа, без сомнения, имеющих множество межличностных связей. Если миграция русских (русскоязычных) в страны Балтии в основном началась после войны и если их интеграции с коренным населением препятствовали не только социально-психологические обстоятельства, но и культурные, в первую очередь — языковые, то русские и украинцы живут вместе столетиями и за это время сформировали нерасчленимые социальные образования.

«Удаленность» Литвы от России на социокультурной карте и близость первой к Польше объясняется не только национальным составом этой бывшей союзной республики, но и ее историческим прошлым. В XVI веке Литва вошла в Речь Посполитую, и в социокультурную ткань литовского общества глубоко проникли элементы польской культуры, в том числе католицизма. В этом факте сходства ментальностей двух разных этносов — славянского и балтийского — следует подчеркнуть два момента. Во-первых, социокультурная среда в большей степени, чем этничность, ответственна за формирование системы ценностных ориентиров населения и, во-вторых, последняя весьма консервативна, ее ядро мало и медленно трансформируется.

Расположение Украины на социокультурной карте Европы экстраординарно. В начале 90-х годов она оказалась «самой восточной». Здесь зафиксирован наивысший уровень коллективности: почти половина населения (46%) принадлежат к типу «коллективистов». На наш взгляд, причина такого положения кроется в наложении двух процессов, протекающих в украинской и русской общинах. Первая активно ищет свою национальную идентификацию, и этот поиск нередко проявляется в достаточно агрессивных формах во всех сферах жизни общества. Этнические русские остро тревожатся по поводу происходящего и ориентируются на выработку и новой идеологии, и новых национальных институций, защищающих интересы общины.

Если наивысшая доля «коллективистов» в российском социокультурном многообразии давала основание для того, чтобы усомниться в «европейскости» российской социокультурной ориентированности, то теперь перед нами два государства, две этнические системы со столь же развитой потребностью в существовании общих организующих и объединяющих социальных идей, норм, требований. Это — Украина и Латвия. Таким образом, снимается возможность аргументировать специфичность, особость России экстремальностью ее расположения в системе социокультурных осей.

Достаточно интересный результат дает анализ корреляционной матрицы (табл. 3), указывающей на близость ценностных структур населения России и рассматриваемых республик бывшего Союза. Высокие значения коэффициентов корреляции подводят к мысли о том, что существует общий латентный фактор, который порождает наблюдаемую целостность корреляционной структуры. Вычисление общего фактора по методу Спирмена подтверждает справедливость такой гипотезы; все факторные нагрузки (табл. 4) достаточно велики. Как и на рис. 3, обнаруживаются две подгруппы стран: одна включает Латвию, Россию и Украину, другая — Литву и Эстонию. В первых трех высока доля «коллективистов» (42%, 42% и 46% соответственно), во вторых аналогичные показатели значительно ниже — 35% и 34%. Данный фактор, видимо, можно назвать «русифицированностью». При этом речь идет не о том, что он вскрывает качественную специфичность русской (российской) коллективности, известной как соборность, или общинность, а о том, что он отражает долю русских в составе населения. В Латвии и на Украине их больше, в Литве и Эстонии — меньше.

Отсутствие достаточных данных о ценностных ориентациях коренного населения Украины и стран Балтии не позволяет провести необходимое межкультурного сопоставление русских, живущих в России, с русскими, мигрировавшими в республики бывшего Союза; а также представителей коренного населения с русскими, живущими в Латвии, Литве, Эстонии и на Украине.

Матрица коэффициентов корреляции между Россией и странами, входящими в бывший СССР; значения общего фактора (умноженные на 100)

Страны	Россия	Латвия	Литва	Украина	Эстония	Общий фактор
Россия	1	88	79	94	72	91
Латвия	88	1	81	87	77	91
Литва	79	81	1	75	69	71
Украина	94	87	75	1	65	82
Эстония	72	77	69	65	1	59

Существует множество подходов к поиску ответа на вопрос о движении России в социокультурном европейском пространстве. Мы увяжем его с проблемой эволюции социокультурных ориентации ряда поколений россиян. С одной стороны, в этих трансформациях отражаются кардинальные экономико-политические и идеолого-нравственные особенности жизнедеятельности людей, с другой — характер видоизменения ценностной организации сознания указывает и на возможные преобразования всего общественного организма.

Принятая нами возрастная стратификация позволяет выделить в структуре населения России шесть когорт (поколений), отличительные признаки которых сведены в табл. 5. При этом мы исходим из того, что основополагающие, критериальные черты когортных образований формируются в возрасте от 17 до 25 лет. Происходящее в человеке и с человеком в интервале «поздней юности — ранней зрелости» сохраняется и оказывает решающее влияние на всю последующую жизнь [9].

Среди множества системообразующих признаков, дифференцирующих выделение поколения россиян, одни являются частными (или специфическими). Они хорошо описывают различия двух-трех следующих друг за другом когорт. Но нас интересуют универсальные показатели, используя которые можно было бы зафиксировать трансформации сознания, ценностных ориентации всей совокупности живущих поколений. Глядя в прошлое страны, всматриваясь в развитие ее экономики, идеологии, нравственности, можно допустить, что подобную роль способна сыграть именно «семантическая ось» «коллективизм-индивидуализм». Период с 20-х до конца 80-х годов — это время становления и разрушения коллективизма традиционного (российского) и нового (большевистско-коммунистического) типов, время стирания и известного возрождения личностного (индивидуалистического) начала.

На наш взгляд, данные, представленные в табл. 6, не противоречат сформулированному допущению. Отметим одну структурную особенность ценностных ориентации. От поколения к поколению снижается доля «коллективистов» и растет доля типа, названного «сфокусированный на себя».

Таблица 4

Матрица коэффициентов корреляции между Россией и странами Западной Европы (умноженные на 100)

Страны	Россия	Англия	Германия	Испания	Италия	Франция
Россия (1991)	100	-87	-28	8	93	43
Англия (1990)	-87	100	-14	-20	-96	-32
Германия (1990)	-28	-14	100	-80	-44	-82
Испания (1990)	8	-20	-80	100	26	56
Италия (1990)	93	-96	-44	26	100	59
Франция (1990)	43	-32	-82	56	59	100

Таблица 5

Основные характеристики поколений

Возрастные группы на момент опроса, 1991	Годы рождения представителей поколения	Годы социализации	Установки		Обобщенно условная характеристика поколения
			политические	экономические	
19 лет и моложе	1972 и позже	1989 и позже	аполитичность и прагматизм	Осознанное потребительство	первое постсоветское
20—24	1967—1971	1984 и позже			перестроечное
25—34	1957—1966	1974—1991	прагматизм и плюрализм	стремление к благополучию	поколение застоя
35—49	1942—1956	1957—1981	цинизм и прагматизм	робкий гедонизм	первое городское
50—64	1927—1941	1944—1966	романтизм	вынужденный	старшие и

				аскетизм	младшие шестидесятники
65 и старше	1926 и ранее	20-е — 40-е	тоталитарность	осознанный аскетизм	энтузиасты и победители

Таблица 6

Удельный вес в поколении основных социокультурных типов, %

Возрастные группы (поколения)	«Социальные новаторы»	«Коллективисты»	«Переходный»	«Сфокусированные на себя»	«Ориентированные на социальную безопасность»
Россия (1991)					
19 лет и моложе	12	14	26	42	6
20—24	15	20	23	41	1
25—34	10	32	28	28	2
35—49	10	42	23	20	5
50—64	10	55	16	9	10
65 и старше	11	61	5	10	13
Западная Европа (1990—1991)					
19 лет и моложе	12	14	20	49	5
20—24	12	16	20	47	5
25—34	13	21	21	39	6
35—49	11	29	22	30	8
50—64	8	39	20	20	13
65 и старше	7	45	16	13	19

В этом феномене, скорее всего, проявляется действие двух сил. С одной стороны, снижение духа коллективизма вызвано трансформацией советского общества: переходом от традиционного общества к индустриальному; от сельского типа отношений к урбанизированному; от веры в коммунистическую идею к сомнению и отказу от нее; от всеобщего страха к почти вседозволенности. С другой стороны, снижение роли «единых» ценностей, одной модели социального мышления и поведения есть общецивилизационный процесс; его влияние обнаруживается в материалах, отражающих когортные особенности сознания европейцев (нижняя часть табл. 6).

Сравнение ценностей соответствующих российских и европейских когорт свидетельствует, что различия (пока — «арифметические») между ними сокращаются. Так, наши старшие поколения («энтузиасты» и «шестидесятники») отстают от своих европейских ровесников много больше, чем молодежные когорты. Строя линейные аппроксимационные модели, функционально связывающие различия между поколенческими ценностными структурами россиян и европейцев с «возрастом» поколений, можно определить временной интервал, когда типологические ценностные структуры в составе населения России и Европы окажутся одинаковыми, т. е. разность между ними приблизится к нулю. По некоторым оценкам, это могут быть 2050—2075 годы.

Если мир будет спокоен, если люди, правительства, страны будут открыты друг другу, это произойдет раньше; если возобладают недоверие, стремление к сепаратизму, то процесс сближения социокультурных ориентиров будет идти труднее и медленнее.

Сказанное еще раз подтверждает, что структурное сближение не равносильно стиранию национальных различий. «Национальные» сами типы, и, например, европейские «коллективисты» или группы, ориентированные на социальную безопасность, всегда будут отличаться от российских представителей тех же типологических образований.

Итак, результаты проведенного исследования позволяют сделать однозначный вывод: по своим ценностным структурам население России отличается от населения других стран Европы. Вместе с тем важно подчеркнуть два момента. Первое. У всех стран есть свои особенности, все этнические группы обладают своим социокультурным своеобразием. Второе. Отличие российского социокультурного синдрома от общеевропейского не настолько велико, чтобы говорить о России как о стране, развивающейся вне современной европейской культуры, вне техногенной цивилизации. Изучение социокультурных ориентации отдельных социальных групп российского населения показывает, что новые поколения, формирующиеся в современных политико-экономических условиях, активно овладевают рядом западных социокультурных стандартов, предписаний, норм поведения. В этом смысле, в ближайшие годы может произойти

быстрое сближение отдельных подструктур сознания населения нашей страны с характеристиками сознания ведущих стран Запада. Тем не менее нет никаких оснований опасаться растворения российской ментальности, утери ее уникальности. Россия будет всегда входить в каждый новый виток цивилизации, следуя своим законам, идя своим собственным путем.

Литература

1. Ахиезер А. С. Социокультурная динамика России: к методологии исследования//Полис. 1991. N 5.
2. Воронова А. О., Смирнов П. И. Россия и русские. Характер народа и судьбы страны. СПб.: Лениздат. 1992.
3. Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М.: Наука, 1993.
4. Socio-cultural toots of analysis. Eurotrends. Euromap. Euroscan. RISC, Report N 21. April 1991.
5. Doklorov B. Anticipating Change in Europe. Values of Russians: Fall 1991 Paris — Munich; RISC, RFE RL Research Institute, 1992.
6. Докторов Б. З. Социокультурные ориентиры населения двух главных городов России//Качество населения Санкт-Петербурга/Отв. ред. Б. М. Фирсов. СПб.: СПб филиал Института социологии РАН, 1993.
7. Канетти Э. Народы и символы//Новое время. 1991. N 32. С. 41—43.
8. Jerschina J. Social Change in Poland. RISC affiliates seminar. Lucerne. 1992.
9. Шуман Г., Скотт Ж. Коллективная память поколений//Социол. исслед. 1992. N 2. С. 47—60.